

– Крылов! К начальнику отдела! – крикнул кто-то, выглянув из коридора.

Крылов оторвался от планшета, бросил карандаш, потянулся. «Чего это он? Сказал же – завтра закончу по Лангепасу...» – подумал ворчливо, нехотя поднялся и пошёл через пустой отдел к дверям.

Шеф орал по телефону, срывая связки и обрастая жилами на могучей шее. «Снимал стружку» с какого-то «полевика». С севером, как всегда, связь была дрянная.

– Три дня тебе даю! Крутись, как хочешь, а чтоб к пятнице был в отделе! Всё!

Он бросил трубку и, ошалело глянув на Крылова, бросил:

– Ну?! – Закашлялся, стал слепо нашаривать рукой карман пиджака. Отсморкался, обсушился и приступил к делу. – Когда кончишь?

– Как обещал – завтра.

– Слушай, Устье «горит», надо срочно готовить полевые материалы. Кроме тебя, некому. Сам знаешь, все в поле.

– Знаю. А Островкина, моего рабочего, куда подевали?

– Геологи взяли. Чего ему без дела сидеть, пока ты камералишь?

– Ну так куда я один?..

– Рабочего тебе заказчик даст. На месте.

Шеф сунулся в ящик стола и выложил на стол пачку бумаг.

– Вот: задание ГИПа, выкипировки...

– Да не поеду я один, – запротестовал Крылов, – сами знаете, случайного человека надо ещё научить, разжевать всё, чтоб не бегать на каждую точку... Да ещё спешка такая! Одна нервотрёпка получается!

– Даст тебе заказчик речника! Телефонограмму пошлём. Обязуем. Там всего-то десять гектаров съёмки, километра два привязки – чего огород городить? А как рейку ставить, можно и обезьяну научить...

– Там нет обезьян! – мрачно буркнул Крылов.

– Ну, ладно, хватит! – отмахнулся шеф и быстро настрочил приказ. Протянул через стол. – Иди оформляйся, получай командировку и, как говорится, попутного ветра!..

2

Поезд с трудом одолел тесноту извилистых ущелий, где ревниво нёс с собой стук колёс. Но вот горы стали опадать, растекаться, выравнивая горизонт, поезд вырвался на бескрайний простор тундры, и тишина её почти растворила в себе тяжелый грохот...

В вагонах сразу стало тише, светлей. За окнами плыла, ослепительно сверкая под солнцем, заснеженная равнина...

Омертвев от бесконечных холодов, тундра зарылась в снегах, и только начинавшее прогревать апрельское солнце не в силах было вырвать её из этого сна.

Крылов долго сидел у окна, цепляя взглядом синие тени ложбин и редкие островки хилой берёзки, пока не заболели глаза от режущего снега...

– Ну вот, скоро и дома будем! – объявил кто-то громогласно и, словно очнувшись от томительного безделья дороги, люди задвигались, зашумели. Хлопали крышки чемоданов, визжали молнии. Сухо, по-деловому, стреляли замки.

Крылов тоже собрал рюкзак, кинул за плечи и стал пробираться к тамбуру через вагон, всклокоченный суматохой сборов.

Поезд медленно, как уставший большой зверь после сумасшедшей гонки, подполз к маленькому невзрачному зданию вокзала с заплывшими льдом окнами, лягнул сцепками, тяжело вздохнул тормозами и застыл успокоенно...

Крылов с трудом продрался через шумный встречающий перрон, неторопливо зашагал главной улицей, с привычным интересом присматриваясь ко всему.

Штатив с рейкой в одной связке он нёс на плече, а приборы, как всегда, были уложены в рюкзак вместе с полевыми журналами и прочей необходимостью.

Заполярный посёлок стал стремительно расти, когда до него докатилась волна нефтяного бума. Скопищем техники, россыпью балков и жилыми домами стали прирастать к нему разноведомственные базы экспедиций, Орсы, Урсы и прочие государственные авангарды штурмующей недра армии. Но вся эта бурная человеческая деятельность носила печать временности и неустроенности. Стандартные и безликие, строго привязанные к линейке улиц, дома без привычных глазу наличников и палисадников стояли неухоженно и сиротливо среди развороченного гусеницами суглинка и строительного хлама. Всё было наскоро сколочено, срублено, сложено. А на окраинах тундра жевала в труху груды железа. Никакая техника не выдерживала этого бешеного темпа.

Крылов шёл по скрипучим доскам бесконечного тротуара. Мимо него в снежных вихрях, в бурых выхлопах сгоревшей соляры проносились тяжелые «КРАЗы», лязгающие траками вездеходы и лишь изредка, выпадая из общей картины своей архаичностью, проплывали нарты, на которых невозмутимо восседал хозяин тундры, дымя дешёвой сигареткой и изредка подгоняя хореом покорных олешек.

Ему стало жарко от ходьбы. Он растегнул полушубок и так, нараспашку, ввалился в двери местной гостиницы.

– Это вы, что ли, хозяйка? – с весёлым удивлением спросил он худосочную девуцу, которая сосредоточенно что-то вязала, сидя за огромным, обшарпанным столом у входа. Лица ее почти не было видно под пышным великолепием песцовой шапки.

– Я, – не переставая вязать, ответила она.

Он прислонил к стене связку и сбросил рюкзак на пол.

– А найдётся ли командированному желанное койко-место в ваших апартаментах? Или придётся ему околевать на улице, проклиная судьбу и безжалостное начальство, загнавшее его на этот край ойкумены? – балагурил Крылов, доставая документы.

– Ах, как трогательно! – заулыбалась «хозяйка». Отложила вязанье и достала бланки. – На сколько суток?

– Пока не женюсь!

Она хмыкнула и сверкнула глазами из-под груды белоснежного меха.

– Я думаю, дней десять хватит, – успокоил её Крылов.

Девушка заполнила бланк и протянула ему ключ.

– Семнадцатый номер. Там четыре «желанных койко-места». Выбирайте любое. – И, не переставая улыбаться, спросила. – А что такое ой...кум..

– Ойкумена? Ареал расселения...

– Хм... А что такое ареал?

Крылов снисходительно усмехнулся, играя полученным ключом.

– Я бы на вашем месте, о дочь Севера, не стал тратить время на вязание шарфиков своим поклонникам, а усердно читал бы умные книги.

– Я замужем, – с некоторым достоинством заметила она и пожалала острыми плечиками. – А зачем вам умные жёны? Что я, картошку лучше поджарю, если буду знать интегралы и ойкумены?

– Главное – не образование, а образованность! – с шутливым пафосом изрёк Крылов, подняв вверх палец, на котором болтался ключ с замызганной картонной биркой, и отправился в свой номер.

Устроился он быстро, с привычной деловитостью и умением приспосабливаться к временным пристанищам. Несмотря на долгую дорогу, настроение было приподнятым и, бреясь, он что-то напевал, стоя перед зеркалом, криво висящем в простенке.

Там гримасничало лицо, вполне ещё молоджавое (Крылову было чуть больше тридцати), лишь у глаз легли заметные морщинки. Две глубокие, жёсткие складки, идущие от крыльев суховатого носа, придавали ему строгую мужскую привлекательность...

Через полчаса, расспросив хозяйку и без труда отыскав поссовет, он уже сидел перед председателем, грузным пожилым человеком в очках, с одутловатыми щёками, на которых уютно гнездились тяжёлые очки.

– Хм!.. Где вам найти человека?.. В экспедиции не дадут – у Ошева там запарка...

– Вам же самим надо скорее получить документацию, – подстегнул его размышления Крылов.

– Это конечно!.. А вы вот что: сходите-ка в райотдел. В милицию, то есть. Здесь недалеко. Может, там дадут? Ну, из этих, из... отбывающих. А я звякну. Со своей стороны.

– Фу ты! Не хватало мне ещё с уголовниками возиться! – возразил недовольно Крылов.

Председатель откинулся на спинку стула и развёл руками.

– Да какие там уголовники?! Я имею ввиду пятнадцатисуточников. Ну, там, случайная драка или семейный скандалчик... Бывает. Наказаны в административном порядке... Уголовники – те в тюрьме сидят, а у нас её не имеется, к вашему сведению, – заключил он обыденным тоном и, обвиснув щёками, потянулся к телефону...

Крылов отправился в райотдел, втайне надеясь, что там не окажется сейчас этих «отбывающих» и председателю всё же придётся подыскивать ему что-нибудь поприличней.

– А-а! Звонил Иннокентьев, звонил, – выслушав его, закивал головой молоденький сержант-дежурный и сказал строгим голосом, который не шёл к его почти мальчишескому лицу. – Время уже... – он задрал голову, взглянув на часы, – одиннадцать подходит, гражданин, а «покупатели» у нас «товар» с утра разбирают. Вот так!

– Я недавно с поезда, – ответил Крылов с облегчением, собираясь уже уйти.

– А что за работа? – спросил милиционер, ёрзая на стуле, меняя позы, словно выбирал более солидную, подобающую его положению дежурного.

Крылов нехотя объяснил.

– В общем-то, ничего сложного, за день научится всему, – заверил он и, вспомнив последний разговор с шефом, усмехнулся про себя: «Ах, Крылов, Крылов!»

– А, вот! – вскинулся вдруг дежурный, показывая рукой куда-то в сторону, и его щегольски подбритые усики разом вытянулись в сторону, растянутые жизнерадостной улыбкой.

Крылов оглянулся.

В начале коридора, куда выходили двери камер, выжимая грязную тряпку, склонилась над ведром девчонка, крепконогая, с ладной фигуркой, что угадывалась под про-

стенным платьицем и плотно облегающем свитером. Рукава его были высоко закатаны и оголяли смуглые руки. Пряжки тёмных, вьющихся волос упрямо падали на лоб, и она то и дело сдувала их или резко откидывала локтем.

– Берём? – спросил сержант с весёлой деловитостью.

Крылов почему-то смутился и машинально кивнул головой, соглашаясь.

– Эй! Алёна! – громко позвал дежурный.

Девушка зыркнула исподлобья в их сторону, не разгибаясь и не выпуская из рук тряпки.

– Домывай быстрее – работать пойдёшь! Вот с этим гражданином...

Крылов расписался в потрёпаном толстом журнале и вышел ждать её на улице.

«Ну, шеф, сделал ты мне подарочек! Возись тут с ней под «личную ответственность»...

За спиной оглушительно хлопнула дверь. Девушка появилась на крыльце, застёгивая короткий, потёртый полушубок. На голове лихо сидела вязаная шапочка; бурки, вышитые броским орнаментом, были надеты прямо на капрон, тесно охватывая крупные икры.

Она с жадностью огляделась вокруг, прищурив глаза от обилия слепящего света и как-то взахлёб, освобождено вздохнула. Потом спустилась с крыльца, подошла к нему.

– Ну, начальник, чем будем заниматься? – спросила ломким, с хрипотцой, голосом. Красивое лицо её с мягкими чертами дышало юной свежестью и чистотой. Но глаза смотрели недоверчиво и затемнённо.

– Ты здешняя?

– Ага!..

– А зовут?

Она улыбнулась солнышком и присела в реверансе:

– Елена Сергеевна!

– Не доросла ты ещё до Елены Сергеевны!..

– Разве? – в притворной обиде надула она губы.

– Сначала, Алёна, тебе бы одеться потеплей. В тундре будем работать, – не принимая игры, сказал Крылов и, взглянув на её колени, съязвил: – А капрончик – это для танцулёк!

– Так мне домой идти, что ли?

– Ну да!

Она ничего не ответила.

Вскоре они подошли к двухэтажному дому, обшитому «вагонкой».

– Здесь! – сказала Алёна и направилась к одному из подъездов.

«Зайти или подождать?» – беспокоила неопределённость положения: то ли конвоир, то ли сопровождающий какой...

Когда они вошли в подъезд, девушка молча стала подниматься по лестнице на второй этаж, а он нерешительно прислонился к батарее у входа, закурил, услышал, как она постучалась и как немного погодя, взвизгнув петлями, открылась дверь.

– А, явилась деточка! – ударило сверху скандальное сопрано.

Дверь бухнула и заглушила голос.

«Вот, чёрт, попалась девка», – поморщился Крылов, и сразу поднялась глухая неприязнь к кричавшей там женщине, пусть даже матери этой заплутавшей, видимо, девчонки. Он вспомнил умершую уже тещу, которая немало попортила ему крови такими вот крикливыми, истеричными скандалами.

Стало почему-то жаль девушку, и только сейчас он понял её внезапную отчуждённость: знала, что не пирогами встретят.

«А что, если...»?

Крылов выбросил на улицу окурок и решительно поднялся на второй этаж...

Дверь открыла невзрачная, средних лет женщина с обрюзгим лицом, с усыхающими злыми губами.

– Чего надо? – грубо спросила она, окинув его подозрительным взглядом.

– Я из милиции, – как можно небрежней сообщил Крылов, прежде чем понял, что женщина была пьяна: до него доплыл тяжёлый сивушный запах.

– Ну и что? – она приняла воинственную позу, готовясь видимо, к очередному поединку. – Если за дочерью, то она только что оттуда...

– Вот я её и сопровождаю!

Крылов нахально зашёл в прихожую, отеснив хозяйку, и закрыл за собой дверь.

– Куда «сопровожаю», зачем «сопровожаю»? Сбежала, что ли?

– Нет. Я отведу её на работу.

– Достукалась, мерзавка! – накаляясь злобой, крикнула женщина. – Вот и подыхай там на нарах!

– Вы вот что, гражданин! – жёстко сказал Крылов и уставился на неё свирепым взглядом. – Прошу вас не устраивать здесь пьяных скандалов и не орать – я при исполнении...

– Я что, в собственном доме не могу с дочерью поговорить? – сбавив тон, огрызнулась хозяйка.

– Я повторяю: помолчите... и дайте стул: я её здесь подожду.

Женщина принесла табуретку и, сердито сопя, с грохотом впечатала её ножками в пол.

– Пож-жалуйста, – прошипела она и исчезла на кухне. Больше он её не видел и не слышал, расположившись в коридорчике под вешалкой, морщась от оставленного ею стойкого запаха.

Вскоре явилась Алёнка, тепло одетая, с припухшими от слёз колючими глазами.

Они молча вышли из подъезда.

– И чего надо было заходить? – упрекнула она его, отворачивая лицо.

Крылов пожал плечами и, хмурясь, промолчал.

Им предстояло выполнить топосъёмку небольшого участка берега у широкой протоки, на которой стоял посёлок, километрах в двух от него. Берег был гол, как и лежащая вокруг тундра, лишь кое-где щетинился жиденькими пятнами ерника.

В первый день, в оставшееся до темноты время они успели наметить и забить съёмочные точки и промерить линии ходов стальной лентой. Под обрывом, у самого уреза, снегу намело столько, что приходилось чуть ли не животом расталкивать его перед собой. Крылов шёл впереди, волоча за собой ленту, вспахивая снежную целину сугробов, но и вслед за ним идти было нелегко. С трудом, задыхаясь от напряжения, пробороzdили внизу целую траншею («Как медведь прошёл!» – сказал потом Крылов, глянув сверху). Часто теряли шпильки: рыхлый снег глотал их целиком, и приходилось перемеривать линию заново, барахтаясь в собственных следах...

– Ничего! – успокаивал он Алёнку, когда, запарившись от ходьбы, они валились прямо на снег передохнуть. – На самом обрыве речных точек будет немного: перепад большой, а наверху можно бегом работать – наст хорошо держит.

– Да чо я, маленькая?.. Уговаривает!.. У самого, поди, колени дрожат! – весело зубоскалила она, лежа пластом и опрокинув лицо в вымороженное до бледной голубизны небо. Ресницы, брови, пряди волос, выбившиеся у неё из-под платка, заиндевели от дыхания, а щёки обливал яркий румянец. Работа встряхнула, оживила её, и Крылов ни о чём не расспрашивал, ни о чём они не говорили в тот день, кроме того, что касалось работы.

Закончив наверху все промеры, они уже в сумерках вернулись в посёлок, еле двигаясь от усталости.

На западе гасла зелёная полоса заката. Высыпали звёзды, переливаясь холодным светом, и снег яростно скрипел под ногами.

Крылов предупредил дежурного, который встретил их легкомысленной усмешкой, что завтра снова возьмет её на работу, расписался в журнале и, уходя, встретился с Алёнкиным грустным взглядом.

– До свидания, Алёна.

Девушка рассеянно кивнула ему головой и отвернулась...

4

– Это называется «рейка». Когда будешь её ставить, старайся держать прямо, пяткой вниз, видишь, нули нарисованы? – объяснял Крылов Алёнке на следующее утро.

– А для чего всё это? – спросила заинтересованно Алёнка после всех его наставлений.

– Карту будем снимать... план...

– А-а!.. Ну, я пойду...

И она, волоча за собой рейку по снегу, пошла «работать».

Кругом лежал скованный морозом, спрессованный ветром снег. Наст был крепким, как асфальт. Ножки штатива с трудом вгрызались в него и теодолит стоял жёстко и надёжно, не то что летом, когда в топких местах приходилось забивать под каждую метровые колья и снимать отсчёты, как говорится, «не дыша».

Пока Алёнка перебежала с одной точки на другую, он успевал немного погреться, вытанцовывая на месте. Мороз всегда наказывает за неподвижность. Хорошо, хоть ветра не было.

В окуляре рядом с рейкой мелькало Алёнкино лицо, и он иногда останавливался на нём взгляд, прежде чем махнуть журналом, что означало: «Взял! Давай следующую!»

«Красивая девка! Парни, наверно, льнут, как мухи на мёд. Интересно, за что она сидит?»

Он спросил об этом, когда позвал её передохнуть.

Алёнка подбежала запыхавшаяся, оживлённая, прикрывая варежкой рот, чтоб не за-
палить дыхание морозом.

– Хорошо танцуешь! Прямо уморил!

Он снял у неё с плеча рейку, бросил плашмя на снег.

– Садись...

Она примостилась рядышком, хохотнула, мазнув варежкой по его обледеневшим усам. Оттерев их рукавицей, Крылов шутливо обнял Алёнку за плечи, притиснул к себе.

– Так теплее!

– Вам, мужикам, только бы полапаться! – беззлобно уколола его девушка.

– Ну вот! Сразу – полапаться!.. Ты чего такая колючая? – убрал он руку.

– А жизнь такая... колючая.

Алёнка сняла варежки и стала шумно дышать в сложенные корабликом ладошки.

– Как тебя угораздило в милицию-то попасть?

– Подралась с одной... стервой, – неохотно ответила она.

– Ну и что? – удивился Крылов, плохо представляя себе драку между семнадцатилет-
ними девчонками.

– Чё, чё! Стекла побила... Они с мамашей и сдали...

– Чего вы не поделили?

– Да-а, – махнула она рукой, – бухая была... Поругалась... Слушай, а к вам артисты в
город приезжают? – вдруг оживилась она, переменяв разговор.

– Какие артисты? – не сразу понял Крылов.

– Ну... которые в кино.

– Приезжают.

– А ты видел кого? Папанова или Извицкую... Красивая, правда?

Крылов хмыкнул, неопределённо пожал плечами.

– Я в городе мало живу.

Алёнка задумалась о чём-то своём, подперев кулачком подбородок, а Крылов, доста-
вая сигареты, подумал: «Совсем ещё девчонка, а туда же – бухая была!»

– В школе учишься?

– В ПТУ. На будущий год должна кончить, если не попрут за всё хорошее...

– А потом?

– Не знаю! – тряхнула она головой и нахмурилась.

Он понял, что ей неприятен этот разговор и, молча докурив сигарету, поднялся.

– Ну, давай работать, а то окочуримся так!

В полдень он позвал её к себе.

– Обедать пойдём. В столовую.

– На свои будешь кормить, начальник?

– Ага! Утощаю! – обрезал он, снимая со штатива теодолит и укладывая его в футляр.

Весь инструмент спрятали тут же в снег.

– Алёна, а отец у тебя где? – спросил Крылов, когда уже подходили к посёлку.

– А чёрт его знает!

– Пишет?

– Цифрами в переводе, – брезгливо сморщилась девушка, – и то чаще молчит. Да и не помню я его вовсе, мне два годика было... – Потом быстро глянула на него сбоку чуть раскосыми живыми глазами. – А у тебя есть дети?

– Дочь... Но мы развелись, – не сразу ответил Крылов, словно она заставила его признаться в чём-то постыдном.

А на третий день она сбежала...

5

В километре от берега проходил зимник на буровые. По нему днём и ночью сновали машины с бочками, трубами, лесом. Там была граница их съёмки. Крылов в тот раз набирал самые дальние точки участка и снимал отсчёты уже на пределе видимости – за двести метров.

Проходивший по дороге жёлтый «КраЗ» резко затормозил рядом с Алёнкой, и Крылов увидел, как, мелькнув белым платком, она вдруг исчезла в кабине, а самосвал, взревев своим мощным нутром, рванулся в сторону посёлка, скрываясь за снежными вихрями.

– Тьфу ты, чёртова кукла! – выругался он, лихорадочно снял прибор, приткнул его тут же в снег и побежал к дороге, бухая по насту тяжёлыми унтами.

На попутном тягаче ему удалось быстро добраться до посёлка. А, собственно, где её искать? Дома? Но она ведь прекрасно понимает, что прежде всего он отправится туда, да и за каким чёртом надо было так предательски срываться домой, когда можно было просто отпроситься у него? Прежде всего, он должен найти этот жёлтый «КраЗ». Не Москва же! Переплюнуть можно! Решив её искать, он думал не о себе, он боялся за Алёну: не наделала бы делов девчонка!..

...Прошло часа два, прежде чем он открыл дверь дома, вернее, барака, с одним общим, захламлённым коридором и безошибочно определил интересующую его квартиру, потому что оттуда лихо раздавалось многоголосое магомаевское «Эй, вы, ко-ни!»

В комнате было плотно накурено и приторно пахло дешёвым вином. Лоскутья табачного дыма плавали под облезлым потолком, над головами сидящих за столом, который ломился от бутылок. Подгулявшая компания не сразу обратила внимание на вошедшего Крылова. Кто-то нетвёрдой рукой выключил проигрыватель, царапнув иглой по пластинке. Алёнка метнулась было куда-то в угол, но, поняв, что он её уже заметил, кисло заулыбалась и с вызывающим видом вернулась к столу.

– Знакомьтесь, товарищи, моё начальство пожаловало! – небрежно кивнула она в его сторону. – Прошу любить и жаловать!..

– Ну-ка идём отсюда! – грубо сказал Крылов.

– А вы разве с нами не выпьете? – с фальшивым жеманством никудышной актрисы выламывалась Алёнка, наливая в захватанный стакан вино. – Замёрз, поди, у своей треноги?.. На, погрейся!

Девицы хихикали и заинтересованно поглядывали на Крылова. Два молодых парня, развалившись на старом прожжённом диване, толкались в него мутными глазами, видимо, находясь уже за чертой понимания происходящего.

Он подошёл, взял у Алёнки стакан, поставил на стол и молча хлестанул по лицу взглядом.

Алёнка хмыкнула и, притворно вздохнув в голос, потянула со спинки стула свой платок.

– Эх ты, дура! – вырвалось у него на улице.

Утром, добираясь с ним до участка, он всю дорогу отворачивался от девушки, словно не замечал, злясь на неё за вчерашнюю выходку, но в то же время какое-то смутное чувство вины перед этой взбалмошной девчонкой тревожило и не пропадало...

Работа отвлекла его от мрачных мыслей. А Алёнка снова была озорной и беззаботной, словно не для неё были приготовлены на ночь казённые нары в исписанных похабщиной стенах камеры.

Крылов забыл свою обиду и радовался её хорошему настроению. Когда вечером они возвращались в посёлок, он старательно смешил её, рассказывал анекдоты, баловался, как мальчишка. Обессиленные хохотом, они падали в снег, и прохожие боязливо обходили их стороной.

...Они целый день долбили лунки, промеряя глубину у берега – акватории будущего порта. Алёнка вычерпывала ледяное крошево, а Крылов с хеканьем молотил тяжёлой пешней. Вода брызгала из лунок, а освободившись, пузырём выплёскивалась на лёд, и к вечеру они основательно промочили ноги. Крылов потащил Алёнку в гостиницу. Она упиралась, даже немного обозлилась на его настойчивость, но в конце концов он провёл её мимо онемевшей от удивления хозяйки в свой номер, заставил разуться и просушить на батарее носки и бурки.

– Успеем в твой зверинец. Там тоже есть люди – поймут, – грубовато шутил он, шлёпая босиком по комнате.

Потом пили крепкий («купеческий») чай.

Алёнка с неприкрытым, почти детским любопытством расспрашивала его обо всём, а Крылов, разомлев от тепла и присутствия такого внимательного слушателя, был «в ударе»...

– ...Шли мы из маршрута уже ночью, по реке, чтоб в тайге не плутать. А горные реки – неглубокие, быстрые и вода в них просто ледяная! Идём по одному берегу до обнажения – это когда скала отвесно падает в воду, и, чтоб не карабкаться по ней в темноте, переходим на другой берег – он, как правило, пологий. И так раз пять за ночь... Собака у нас была, Джулька – молодой ещё кобелёк. Он страшно воды боялся, и нам приходилось по очереди перетаскивать его на руках. Подошла моя очередь, пошёл я с ним и только добрался до

середины, поскольку нудился на камнях и грохнулся на колени так, что вода до горла достала. Джулька скулит, бьётся, но я его всё-таки удержал и стал подниматься. Чувствую, тяжело стало, будто мне кто полный рюкзак камней насовал. Кое-как побрял: колени дрожат, спину назад ломит. Выполз на берег. Ребята, хриплю, что у меня там за спиной? Они посмотрели и со смеху попадали. Это надо же! С самой середины полное ведро воды припёр. Сам же его утром за клапан рюкзака цеплял!..

Потом Крылов вспомнил ещё что-то очень смешное и Алёнка даже стакан с чаем опрокинула, закатившись от смеха. Наконец, успокаиваясь, долго катала по столу хлебную крошку, пока не погасла последняя искра улыбки.

– Интересно тебе жить? – спросила вдруг девушка.

– В общем... да! – серьёзно ответил Крылов и стал наводить на столе порядок.

Алёнка присела к окну, задумавшись и втиснув колени в батарею, курила, а он вдруг вспомнил, как явился к ней в квартиру в тот первый день:

– Папрашу вас! – свирепым голосом хотел он повторить свой монолог, но растерянно умолк, увидев, как заплясала у неё в губах сигарета, как она поспешно и слепо стала тушить её в пепельнице дрожащими пальцами.

– Что с тобой?

– Ненавижу... её! – сдавленным голосом проговорила девушка, еле вытолкнув из себя этот колючий комок слов. – Ненавижу! – повторила она, замотав головой, и отвернулась к окну, растирая по щекам набегавшие слёзы.

Крылов, не зная, что делать, растерянно присел у стола, звякнув стаканами...

В гостинице было тихо, лишь изредка с улицы доносились глухие взрёвы проезжавших машин, и Алёнка, словно сторожась этой тишины, приглушённо и несвязно говорила...

– Маленькая была – думала, всё так и надо... Потом уж... У других – отцы, семья. Завидно до слёз. А тут – то дядя Гоша, то дядя Лёша. Сюсюканье, шоколадки да пьянки одни – надоело всё... Да чёрт с ними! Отца они не заменят. А мать... Иногда найдёт на неё – разревётся, обмусолит всю: «Доченька, родная, прости!..». И всё такое... Ну, пожалеешь, подумаешь: ей ведь тоже тяжело – загнала себя в угол, дура! А потом... всё то же и те же!..

Крылов навалился на стол и молчал, втиснув подбородок в сжатые кулаки, томясь жалостью, но вот в какой-то неуловимый миг Алёнкин голос будто перелился в другой, давно не слышанный им, такой до боли знакомый и родной, что сердце забухало тревожно и тяжело. Аленка говорила, давась слезами, а голос уже был не её, голос был другой. Потом и Алёнка пропала куда-то, и он с пронзительной ясностью увидел вдруг на этом месте свою дочь, увидел её лицо, чуть широко расставленные глаза с угольками зрачков, вздёрнутые волосинки бровей и вечно подветренные губы. И эти губы тоже произносили беспощадное: «Ненавижу!»

«Господи, да неужели и ей такое?» – подумал он, обливаясь запоздалым страхом.

Только сейчас, вот здесь, в этой заваленной снегами гостинице заброшенного на край тундры посёлка с острой болью прорвало наконец ту хлипкую оболочку душевного благо-

получия, под которой давно уже вызревала тревога за свою дочь. Он вспомнил, и уже повновому осмыслил, и как надо, понял последние её письма, где она подробно, без обычной восторженности писала о своих увлечениях и школьных делах, а о матери, его бывшей жене – скупой и вскользь, с детской стыдливостью, боясь оголить всю вот такую «Алёнкину» правду, облечь её словами...

От своей матери он слышал, что та пьёт, пьёт безобразно, но только отмахивался. «А мне-то что? Пусть катится!» А сейчас он вдруг осознал, что творится в душе у дочери, когда каждый день рушится и исчезает в ней то, что должно быть незабываемым на всю жизнь: материнский авторитет, уважение и любовь, когда всё это уродливо перерождается в «ненавижу». А что же вместо этого, первородного, изначального останется в детском сердце? Кто, как не он, должен помочь ему не озлобиться и не охладеть к добру и вере?

Крылов, не в силах больше сидеть, вскочил и заходил по комнате, перемалывая внутри себя эти так стремительно нахлынувшие мысли, и всё-таки там скрежетало и кровоточило...

В эту ночь он долго не мог уснуть, мучил подушку, ворочался, вставал курить...

Они развелись пять лет назад. Крылов оставил жене квартиру, а сам переехал к матери, в другой город. Он исправно платил алименты, переписывался с дочкой и посылал ей подарки. Казалось, кругом он был безупречен и чист перед совестью. Он давно уже раскаялся, что в горячке молодости женился на этой красивой пустышке, сразу не разглядев тогда её распущенности и душевной убогости. Он действительно любил её преданно и слепо, наивно верил в созидательную силу этой любви, как в панацею от всех человеческих недостатков, но... Её тянуло в шумные компании, ей претила семейная проза. На первых порах они старались уступать друг другу, хотя и не всегда миролюбиво. Он, как умел, тянул её в круг разумных интересов, стараясь отгородить от вульгарных подруг и пустого времяпрепровождения, но... начались командировки и мучительная раздвоенность между семьёй и любимой работой. Чем дальше, тем внушительней раздвигалась между ними пропасть, и те жидкие мосточки, слепленные на скорую руку во время его приездов, вскоре рушились, теряя опоры...

Вспомнилось, как в последний год их совместной жизни он однажды приехал из командировки и застал дома одну дочь...

«А мама на дне рождения!» – сообщила она ему звонким, не остывшим ещё от радости встречи голосом. Мотыльком залетала по комнатам, подавая ему тапочки, чистое полотенце, хвастаясь новыми куклами и нарядами, и на правах маленькой хозяйки взгромоздила на плиту чайник, собираясь накормить. А «большой хозяйки» не было ещё сутки и, когда она явилась со стойким запахом затянувшегося веселья, в сползающей с ресниц и губ косметике, он прямо при дочери исхлестал её по щекам. А потом туман остывающей озлобленности прожгли вычерненные ужасом детские глаза... Когда он остался один, не простив женщине предательства, он не слишком терзался памятью о ней и больше не строил иллюзий насчёт «верной Пенелопы»...

А дочь...

Когда его мать привозила её к себе погостить, а он, случалось, «камералил» в это время в городе, крохи общения с дочерью приносили ему не только радость, но и оставляли в душе горький осадок неполноты, ущербности чувства, хотя со стороны посмотреть, всё было, вроде, благополучно. Вот идут они в кино. Она о чём-то весело щебечет, скачет вприпрыжку рядом, повиснув на руке, а он, улыбаясь, что-то отвечает, что-то рассказывает, с гордостью поглядывая на встречных: «вот у меня какая дочь, егоза, красотуля!»...

Или на пляже ярким сверкающим днём он учит её плавать. Визг, брызги, хохот. Ручонки судорожно цепляют за шею, а он с осторожностью, но требовательным усилием толкает её в воду и сам смеётся, упоённый этой игрой...

Не раз где-нибудь в палатке под железный звон дождя или в тягучих мыслях у ночного костра он переживал эти встречи заново, светлея и радуясь, пока...

Это событие тогда потрясло весь город. Две тринадцатилетние школьницы, взявшись за руки, шагнули с крыши многоэтажки в свою смерть. В ходе следствия нашлись свидетели, которые видели, что сделали они это по своей собственной воле...

Страшно было пережить такое. Но вина его перед дочерью была так огромна, как он сам считал, что, наверное, переживёт и его смерть и даже там, за гранью, будет терзать и мучить. Она, вина эта, то затаивалась в повседневности где-то в глубинах, то, потревоженная, всплывала острой болью и раскаянием...

6

На следующий день Алёнка больше молчала и старалась не встречаться с ним взглядом, словно жалела, что вот так вдруг доверила почти незнакомому человеку самое сокровенное, что и в самой-то себе ворошить было мучительно, больно и стыдно.

Крылов, не выспавшийся, хмурый, не тревожил её расспросами.

Работа подходила к концу, и в последний день оставалась лишь небольшая нивелировка. В обед Алёнка отпросилась домой – помыться и «вообще»...

Они договорились встретиться в гостинице. Крылов прождал часа три, всё порывался пойти за ней, но почему-то не решился.

А когда Алёнка пришла сама, уже темнело и не было смысла идти на работу...

– Привет – появилась она на пороге в растёгнутой шубейке, с пьяненькой улыбкой на губах. Весь её расхристаный вид говорил сам за себя. – Привет, говорю! – повторила она, удивлённая, видимо, молчанием и привалилась к косяку, целя в него блуждающим взглядом.

– Проходи, – буркнул Крылов, поднимаясь с кровати. Так он и знал: вырвалась птичка на свободу...

Алёнка прошла в комнату, стянула с головы платок, плюхнулась на стул и лихо закинула ногу за ногу.

– Осуждаешь? Морали читать будешь? Давай, давай, чего такой бука? Кругом все моралисты, ажно плюнуть некуда!

– Не выступай! – оборвал её Крылов и потянулся за сигаретой.

Алёнка тоже достала из кармана тощую пачку. Долго шуршала целлофаном, пытаясь непослушными пальцами подцепить сигарету. Наконец ей это удалось. Она неумело прикурила и развалилась на стуле.

– Ну, выпила маленько! Простишь, а, начальник? С милицией я сама разберусь – не бойся...

Крылов молчал, отчуждённо глядя в окно.

– Вот возьми ментов наших, – разглагольствовала Алёнка, щурясь от дыма, – он тебе в глаза: такая-сякая, живёшь неправильно, тебя ещё ремешком по попе... А сам лапает втихоря, как шлюху какую. Да у него вся эта мораль – в штанах... А заучу? Такие сладкие речи поёт, ну чисто соловей, заслушаешься! А дома, как скотина, напивается да бабу свою гоняет!..

– Чего тебя понесло? – поморщился Крылов. – Ты хоть дома-то была?

– Не-а! – тряхнула она волосами. – Парниш-шу тут знакомого встретила!..

– Отхлестал бы я сейчас твоего парнишу!

Алёнка чему-то усмехнулась, опустив глаза, а потом заискивающе-деловым тоном осведомилась:

– На работу пойдём?

– Посмотри в окно, работница!..

Она взглянула и фальшиво присвистнула:

– И правда-таки!..

Крылов встал с койки, заходил по комнате, поглядывая на девушку.

– Я одного не пойму: ты-то зачем пьёшь? Мать осуждаешь, а сама? – задал он мучивший его вопрос.

Алёнка выпустила в потолок длинную струю дыма и махнула рукой:

– А!.. Она сама по себе! Я сама по себе!

– Во, лозунг! – язвительно заметил Крылов. – Одно слово пропустила: она сама по себе пьёт, я сама по себе!..

– Да плевать я на неё хотела, понял? – бросила она через плечо, сверкнув злым взглядом.

– Доплюешься так! – тоже разозлился Крылов. – Одну пакость из углов выскребаешь, пацанка! Сама вот так залезешь в неё по уши – потом не отмыться будет!

– Да чё ты ко мне пристал? – вскинулась Алёнка, крутанувшись на стуле. – Ты кто мне, отец, муж, брат? Сделал своё дело и уматывай короче, а то приста-ал! – протянула она плачущим голосом и отвернулась, зашмыгав носом.

– Детский сад! – вздохнул Крылов и сел на кровать напротив. Он хотел убрать с её лица упавшие волосы, но Алёнка взбрыкнулась и ещё больше отвернулась, всхлипывая и давясь дымом.

– Да брось ты к чёрту это курево! – Он вырвал у неё сигарету.

Аленка вскочила, вцепилась ему в руку:

– Отдай, гад такой!.. Отда-а-а-ай!..

Она уже ревела в голос, колотясь крупной дрожью и рвала ему на руке свитер, пытаясь дотянуться до сигареты.

– Да успокойся же ты! – испугался Крылов, выбросил сигарету к печке и, усадив её на кровать, обеими руками крепко прижал к себе.

Она не пыталась вырваться, только, низко опустив голову, тоненько по-щенячьи скулила и подвывала.

– Ну, не надо, Алёна! – голос у Крылова сорвался и ему сейчас самому захотелось плакать и искать сострадания... Он зарылся лицом в её волосы и, помутнев душой, судорожно сжимал объятая.

А она вдруг резким и сильным движением отстранилась, провела ладонями по лицу и взглянула на него почти отрезвлёно и ясно.

– А хочешь... женой твоей буду? Я знаю, ты – надёжный!.. Ну и что, что старше? Другие вон... А я пить и курить брошу, ты не думай. Вот честное слово!..

Крылов удивлённо уставился на неё, перестав что-либо соображать.

– И с тобой буду ездить везде! Рейку таскать. Возьмёшь меня рейку таскать? И ухаживать за тобой буду, я же всё умею: и шить, и готовить. Я хорошей женой буду, Крылов! Правда-правда! Мне восемнадцать через полгода исполнится – тогда и распишемся, да?.. – Она порывисто обняла его, прижалась сбоку горячим телом. – Только увези меня отсюда, Крылов! А то сама сбегу! Ты же видишь, какая я здесь... непутёвая!..

У него горло будто петлёй стянуло. Или руки её так сильно сдавили шею? Но не поэтому он молчал, закрыв глаза и тихонько глядя её плечо. Слишком противоречивыми были чувства, чтоб вылиться во что-то определённое: в ответную нежность к юной женщине, в щемящую жалость к обиженному ребёнку или в желание стряхнуть её заблудший разум холодной мудростью наставлений.

А Алёнка, словно не желая торопить с ответом, притихла рядом, обжигая щёку своим дыханием.

– Ты знаешь, я уже который раз один и тот же сон вижу, – расслабленно и сонно, как будто устав от минутного порыва и уже забыв о нём, доверчиво зашептала она. – Старуха одна говорила – видение это. Будто сижу я на траве в каком-то поле... Кругом цветы, а я вся в белых кружевах, и трава такая пушистая, мягкая. И вижу: он идёт ко мне и, знаешь, так улыбается, ну... просто умерла бы за одну такую улыбку... Берёт он меня на руки и я лечу, лечу... Так мне легко и радостно, и чувствую, что вот с ним мне будет всегда хорошо и ничего плохого больше не случится. Вот правда, несколько раз это видела! Даже страшно иногда – мистика какая-то. Но вот верю, что это будет, и всё тут!

Крылов наклонился и тихонько поцеловал её в солёные губы.

– Внищем-то от тебя!..

Она с виноватой улыбкой спряталась от его изучающего взгляда.

– Парни вокруг, наверное, табунами ходят, неужели никто не нравится?

Алёнка презрительно хмыкнула где-то у него за ухом.

– Народу много, а людей нет... Дон-Жуаны сопливые...

И рассказала обычную сентиментальную историю обманутой любви.

– Хотела вены себе резать, дура... Да потом как-то перегорело всё, – и она с надрывом вздохнула.

– Алёнка!.. То, что ты предлагаешь, – заговорил Крылов, мучительно подбирая слова, – это не реально... Это не выход...

– А что выход? – откликнулась она, убрав руки. – Что выход? Гнить в этом болоте с мамашей на пару?

– Конечно, уехать тебе надо. От подруг подальше... Но не сейчас же. А учёба как? – Он чувствовал желание как-то помочь ей, всё же он старше, опытней и имеет право советовать и определять цену поступков, но в то же время, высказывая зрелые, трезвые мысли, в глубине души сознавал, что говорит совсем не то, что она хотела бы слышать... – Кончишь ПТУ, специальность будет, значит – самостоятельность, тогда все дороги – твои. В город приезжай, я тебе помогу устроиться...

Пока Крылов говорил, Алёнка внимательно и настороженно смотрела на него мохнатыми глазами, потом как-то вся сникла, сгорбилась, сложив руки между колен, и уставилась в пол...

– Я понимаю – тяжело, но ты... потерпи! – И Крылов осторожно обнял её.

– Да иди ты к чёрту! – отбросила она плечом его руку и вскочила с кровати. – Ещё один учитель нашёлся!

Он, помедлив, поднялся, сходил за водой, включил плитку и поставил на неё замызганный чайник.

«Чего я тут нагородил? Как будто она сама этого не понимает!.. Дочери своей тоже посоветуешь терпеть? А если нельзя это терпеть? Если это – невыносимо?..»

Он бесцельно послонялся по комнате, терзаясь этой раздвоенностью мыслей. Алёнка привалилась к батарее у окна, хмурилась и тоже молчала.

– Есть хочешь? – спросил он, не глядя на неё.

Она переступила с ноги на ногу и вызывающе вскинула голову.

– Выпить хочу! Или, может, денег жалко?

– Денег мне не жалко, – сразу ожесточился Крылов. – Тебя, дурочку, жалко!..

– Жалостливый какой! – ехидно протянула Алёнка, но лицо её чуть просветлело и она сказала:

– Ну, тогда давай чай пить...

Через три дня Крылов уезжал.

Он пришёл на вокзал задолго до отхода поезда, отыскал своё купе, растолкал вещи и вышел из вагона покурить...

Перрон был залит полуденным солнцем. Где-то вызванивала робкая капель, пахло влажным снегом, и лица снующих вокруг людей были оживленны и приветливы.

«А у нас, наверное, тротуары уже сухие», – подумал он, слабо ощутив радость возвращения. Всё же на душе было тяжело и муторно, будто в чём-то он предал Алёнку и трусливо бежит сейчас в тепло, на юг. Он так и не смог сказать ей в тот вечер ничего определённого. И на следующий день, когда они закончили работу, она так холодно простилась с ним, что Крылову стало не по себе. Всё же он больше думал о дочери. И мысли о ней заслоняли всё остальное...

Но, чёрт возьми, что он должен? Ну, встретились, ну, выложила она ему боль свою, разве это обязывает в чём-то, кроме сочувствия и совета? Тут своих забот не расхлебать – дочь вот...

Вдруг всё вылетело из головы...

По перрону шла Алёнка. Через плечо у неё висела большая цветастая сумка, на голове опять была надета вязанная шапка, а колени обтягивал капрон.

– Алёна! – окликнул он её с удивлением и неосознанной радостью.

Она сразу остановилась, будто споткнувшись о голос, отыскала его чуть испуганным взглядом, и не сразу подошла, мягко, по-кошачьи ступая в своих разрисованных бурках. Остановилась в двух шагах – глаза в глаза. Он всё понял.

– Пошли!..

Стянул с плеча сумку, провёл в своё купе, потом сбегал обменял её билет и, с грохотом закрыв дверь, присел рядом.

– С милицией как?

– Да, отпустили!..

Она сидела, привалившись к перегородке, опустив глаза и бессмысленно поправляя какие-то складки на платье.

– А училище?..

– Забрала я документы, – криво усмехнулась. – Чуть спасибо не сказали...

– Ну и ладно!.. Может, это к лучшему, чёрт возьми, – затормошил он ещё не пришедшую в себя девушку. – Начнёшь всё по-новому. Матери напишешь, объяснишь по-человечески – поймёт!.. На выписку запрос пошлём... Жить пока у меня будешь – места хватит, а мать у меня замечательная, – быстро, с какой-то очищающей твёрдостью в голосе разрешил сейчас он все вопросы, словно заранее их обдумал и только ждал этой минуты, чтоб ответить на них...

Потом встал, навалился локтями на полки и, улыбаясь, сверху обласкал взглядом Алёнку, которая жалась в углу, тихонько вздыхала.

– Ничего, Алёна! Всё хорошо будет, вот увидишь!

А она растерянно смотрела на него из-под разбрызганных волос и затаённо молчала...